

ГОРОДУ ПОЛОЦКУ

Веков признание — софит.
Над Полотою неба своды.
Небесный храм Двину хранит,
Софии свет струится в воды.

Рассвет рождается в закат,
но этой осени нет дела,
что, развекованы, молчат
седые камни, память-стела.

А город войнами гоним,
в руинах плыл, прошел пожары,
глотал набегов едкий дым,
но отражал врагов удары.

И зря тащил Наполеон
войска Удино и Сен-Сира,
баварский корпус поражен,
и отступил француз-задира.

Цена столетий страшных дат —
покой, где дышит позолота.
И осень обняла солдат,
вписавших жизнь в ее полотна.

Войной плененные — набат,
их души светятся в сапфире.
А боль безвременных утрат,
взлетит строкой в Славянской Лире.

Я в этом форте не сойду
до полутона и обмана.
По серой осени бреду
среди крестов и нег тумана.

И сотый раз, пройдя окрест,
мой город, вежа, сила, дата,
и воздвизальный славя крест —
я Евфросинией богата.

К. С. А

Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Глаза твои вижу, как раньше,—
красивые спелые вишни.
Отчаялось чайкой счастье
пытаться ко мне вернуться.
Я в город Петра на причастье
спешу, чтобы с ним улыбнуться.
Скучала ли я? Признаюсь:
забыть тебя не сумела.
У Спаса несмело покаюсь,
что птицей к тебе не летела.
Качай бессмысленно речи,
Нева, разводя мостами.
Последние наши невестречи
нельзя поменять местами.
Устала нести прощенье,
искать, покидая бухты,
одно на двоих возвращенье.
Мечты рассыпаются в двух... Ты...
Ну что ж, проживу прощанье,
душою играя скерцо,
слезами верша завещанье —
слова, что не высказать сердцу.
Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Ты вспомни тот день, без фальши.
Весна и сирень...

И вишни...

И голубь на школьной крыше...

В ТВОЮ СУДЬБУ ВОШЕДШАЯ

В твою судьбу вошедшая,
открыто-виноватая,
шальная, сумасшедшая,
тревожно-угловатая.

В душе испепеленная,
покорно-предзакатная,
тобою возвращенная,
восставшая, понятная.

Внезапно окрыленная,
дыханием согретая,
заоблачно рожденная,
реальностью одетая.

Прозреньем восхищенная,
забыть вину успевшая,
от спеси защищенная,
в твоих губах сгоревшая.

* * *

Вестью дрожь на губах. **Дрожь.**
Серый день за окном. **Дождь.**
Сизый дым в тишину. **Прочь.**
Дальше сон не пойму. **Ночь...**

Кочевые ветра. **Пыль.**
Громовое вчера. **Быль.**
Рикошетом обман. **Ноль.**
Дальше сон не пойму. **Боль...**

Белый голубь в окно. **Грусть.**
Ты — письмо в никуда. **Пусть.**
Год за годом полет. **Новь.**
Дальше сон не пойму. **Кровь...**

КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!

А голуби прямо с крыш,
бросаясь под ноги, целуются.
КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!
Слышь?

«ОТПУСКАЯ РЫБКУ»

Озерной глади мир изранен.
Сады теплят, звенит трава.
А воздух зыбок и туманен

и по лицу текут слова...
Не плачь ты, рыбка золотая,
судьбу мою опять латая.
За многоточьем... запятая...
Желаний нет, моя святая.
Он был со мной...
Светает...

В ТО ЛЕТО

По хлипким лужам и аллеям
я за тобой из века в век
и тонкой ниточкой алела,
и пропадала в сонме рек.

Где нет случайности предела:
за гранью разума и сил,
улав в пути, не долетела —
мой ангел крылья опустил.

Твою же сдержанность немую,
что донесло дыханье мне,
вновь вспоминаю и тоскую
в глуши, забывшись в тишине.

Твоя любовь — венец сонета,
давно прочитана была
в стихах известного поэта
и вдруг в то лето расцвела.

Она из давних встреч-прощений,
прощаний вешняя вода,
из самых светлых возвращений...

Сказала: «нет»,
услышал: «да».

* * *

Позови. Пойду навстречу.
Что чужой ты, не замечу.
Но подумаю, вдруг мой,
Бесновато-озорной.
Улыбающийся чутко.
Ты — волшебная минутка.
И глаза как синь морей...
Дай мне руку поскорей.
Обними как в ночь тогда.
Люди смотрят? Ерунда.
Посудачат, поглядят,
Целовать не запретят.

МОЯ РАДУГА

Крадусь по осколкам лета,
по лужам капризным ловлю
дожди проливного цвета,
когда-нибудь их полюблю.
Тропой дневного сюжета
за мной, по моим следам
и свод расписной манжета —
на площади стройный храм.
И выгнуты спины линий
роскошных цветных земель.
На клумбах у власти лилий
не царствует только хмель.
Елейно-капельный росчерк
стучит по моим губам,
стирает нестройно почерк
во взглядах у встречных дам.
И дальше бежит, приближая
осенний созревший звук,
и запах струит урожая,
скатившись с омытых рук.
Грустят подуставшие тени
машин, переживших поток.
Деревьев открыты колени,
носок под асфальтом в песок.
Лопочет безадресно ветер,
скребут по домам сквозняки,
тайком исчезая под вечер
на дно повзрослевший реки...
А я поднимаю ресницы,
уже и не нужен зонт:
плывут облака, как птицы,
и радугой жжет горизонт.
И там, на краю иного,
в тех тайнах, где нет других,
смотрю на тебя, земного,
и голос так тих, так тих...

